

РАЛЬФ ЭМЕРСОН

ДОВЕРИЕ К СЕБЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 1(091)(73)

ББК 1(091)(73)

Э54

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *В. Желнинова*,
А. Зверева и Е. Ладыженской

Дизайн обложки *В. Воронина*

Эмерсон, Ральф.

Э54 Доверие к себе / Ральф Эмерсон; [перевод с английского]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 512 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-191267-3

Идеи, которые Эмерсон сформулировал в своих эссе почти два века назад, и сегодня звучат современно: в эпоху шаблонов и стандартов его призыв оставаться верным себе и следовать своим чувствам становится особенно ценным. В его текстах — размышления о героизме и дружбе, о житейской мудрости и духовном совершенствовании, на пути которого каждому стоит отрешиться от материальных устремлений и обрести близость к природе — именно это, как утверждает автор, необходимо для единства и гармонии мира.

УДК 1(091)(73)

ББК 1(091)(73)

© Перевод. А. Зверев, наследники, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ИСТОРИЯ

Единый разум объединяет всех индивидуумов. Каждый человек вовлекается в общее, и все предстают как один и тот же. Кто однажды обрел право допуска к этому разуму, тот становится свободным человеком, воплощением всей общности. Теперь он способен размышлять о том же, о чем думал Платон; теперь он может разделить чувства и ощущения святого; теперь он в состоянии понять все, что когда-либо случалось с любым человеком на свете. Всякий, кто присоединился к этому вселенскому разуму, есть часть всего, что делается или может быть сделано, ибо сей разум — единственный и самостоятельный деятель.

О свершениях этого разума свидетельствует история, а его гениальность зримо открывается в последовательностях событий. Человек объясним полнотой истории человеческого рода. Без спешки и не ведая устали человеческий дух стремится вперед с самой зари своего бытия, дабы воплотить всякую способность, всякую мысль, всякое чувство, ему принадлежащее, в соответствующих событиях. Но мысль всегда предшествует фактам; все исторические факты предсуществуют в сознании

как законы. Каждый закон, в свою очередь, определяется преобладающими обстоятельствами, а ограничения Природы позволяют лишь одному закону господствовать одновременно. Человека можно назвать обильным сводом фактов. Тысяча лесов таится в одном желуде; Египет, Греция, Рим, Галлия, Британия, Америка — все возникло уже с первым человеком. Эпоха за эпохой полевые станы, королевства, империи, республики и демократии служили приложениями многообразного человеческого духа к столь же разнообразному миру.

Этот человеческий разум писал историю — и ему суждено прочесть записанное. Сфинксу предстоит разгадать собственную загадку. Если вся история заключена в одном человеке, то ее, следовательно, возможно объяснить на основании индивидуального опыта. Существует неразрывная связь между сроком нашей жизни и столетиями хода времени. Воздух, которым я дышу, извлекается из великих хранилищ Природы; свет на страницы моей книги изливает звезда, находящаяся на расстоянии ста миллионов миль; положение моего тела зависит от равновесия центробежных и центростремительных сил; значит, и сроки жизни должны соотноситься с эпохами, а эпохи должны истолковываться по человеческим срокам. Всякий отдельный человек является приращением вселенского разума, все свойства которого помещены внутри живого существа. Каждый новый факт личного опыта разъясняет действия великих сообществ, а неурядицы частной жизни сопоставимы с неурядицами в судьбах народов. Каждая революция рождается как мысль в голове одного человека;

когда та же мысль посещает другого человека, можно говорить о духе эпохи. Каждая реформа была поначалу частным мнением, а когда она снова станет таковой, это поможет разрешить общие затруднения. Изложенный факт должен соответствовать чему-либо во мне, чтобы его восприняли как достоверный и понятный. Из истории явствует, что людям предназначено становиться греками, римлянами, турками, священниками и королями, мучениками и палачами; эти образы должны прикрепиться к какой-либо действительности в нашем тайном опыте, не то мы ничему не научимся. Участь Гасдрубала и Цезаря Борджиа¹ свидетельствует о силе и слабостях разума ничуть не меньше, нежели происшествия повседневной жизни. Каждый новый закон и каждое политическое движение имеют значение. Встанем перед табличками, на которых это записано, и скажем: «Под этой маской скрывалась моя природа Протея»². Тем самым мы избавимся от недостатка чрезмерной близости к самим себе. Наши действия тогда приобретут размах; крабы, козлы, скорпионы, весы и кувшины утрачивают былое значение, превращаясь в знаки зодиака, а я могу беспристрастно различать собственные пороки в далеких по времени фигурах Соломона, Алкивиада и Катилины.

¹ Гасдрубал Баркид (ум. 207 г. до н.э.) — карфагенский полководец, младший брат знаменитого Ганнибала, разгромил римское войско, но затем стал терпеть поражение за поражением и погиб в сражении с римлянами. Цезарь Борджиа (Чезаре Борджа, 1474—1507) — итальянский богослов и политик, успешный военачальник, позднее обвиненный в измене.

² В греческой мифологии Протей — морской бог, умевший принимать любой облик.

Именно универсальность природы придает ценность отдельным людям и предметам. Человеческая жизнь, ее вмещающая, загадочна и неприкосновенна, и мы ограждаем ее наказаниями и законами. Все законы обретают отсюда свою конечную причинность; все они выражают, более или менее отчетливо, некое повеление этой высшей и беспредельной сущности. Это качество присуще также и душе, охватывает великие духовные факты, и мы непроизвольно держимся поначалу за него, кто мечами, кто законами, в самых причудливых сочетаниях. Смутное осознание этого обстоятельства проливает свет на наше время и подкрепляет наши притязания — на образование, на справедливость, на милосердие; это основание дружбы и любви, героизма и величия, доказательств уверенности в себе. Примечательно, что мы невольно воспринимаем героев высшими существами. Всеобщая история, которую рисуют поэты и сочинители романтических историй в своих величественных сочинениях — священная история, история императорских дворцов, триумфов воли или гения, — повсеместно побуждает сомневаться, повсеместно внушает чувство, будто мы вторгаемся в область деяний лучших из людей; но дело в том, что в самых грандиозных свершениях мы полнее всего узнаем себя. Рассуждения Шекспира о королях вполне применимы к тому мальчугану, что читает его пьесы в уголке, и ему кажется, что он читает о себе. Мы сочувствуем великим мгновениям истории, великим открытиям, отчаянным схваткам и великим достижениям, потому что тогда принимались законы, исследовались моря, отыскивались земли и на-

носились удары — ради нас; мы бы повели себя точно так же или хотя бы дружно хлопали в ладоши в знак одобрения.

Нас одинаково интересуют условия и характеры. Мы чувствуем богатых, потому что они обладают, как чудится со стороны, свободой, властью и милостью, этими достояниями, как нам думается, всего человечества, и нас в том числе. Все, что говорили о мудрецах стоики, восточные мыслители или современные философы, делящиеся каждый собственными воззрениями, описывает недостижимое, но достижимое «я». Вся литература описывает характер мудреца. Книги, памятники, картины, беседы суть портреты, на которых мы находим черты, нами же определяемые. Молчаливые и красноречивые восхваляют, всяк по-своему, вызывают к мудрым, и мудрец всюду, куда бы ни пролег его путь, окружен пеленой личных убеждений. Потому-то истинный искатель знания никогда не нуждается в личных похвалах и славословиях. Он слышит похвалу, но прилагает ее не к себе, а к тому характеру, какого он взыскует, — в каждом слове об этом характере, а еще, главное, в каждом факте и обстоятельстве, в струящейся воде и в шелесте листвы. Слава, почтение, струение любви — все исходит от немой Природы, от гор и светочей небесной тверди.

Эти подсказки, оброненные как бы спросонья среди ночи, следует использовать при свете дня. Ученый должен вчитываться в историю активно, а не пассивно; должен ценить собственную жизнь как текст, а книги воспринимать как комментарии к нему. Вынужденная подчиниться, муза истории примется изрекать пророчества, чего никогда не

случится с теми, кто не уважает самих себя. Едва ли способен изучать историю правильно тот, кто думает, что деяния далекого прошлого, совершенные знаменитыми людьми, значат больше событий нынешней повседневной жизни.

Мир существует для просвещения всех и каждого. Нет такой исторической эпохи, такого состояния общества или такого образа действий, которые не соотносились бы с обыденной человеческой жизнью. Все на свете склонно каким-то чудом ужиматься и передавать отдельно взятому человеку свою ценность. Человек должен понять, что способен прожить историю человечества в себе. Он будет уютно посиживать дома и не страдать от происков правителей и могущества империй, но ощущать себя при этом выше всякой географии и всех правительств мира; ему надлежит перейти с той точки зрения, с какой обычно приступают к истории, от Рима и Афин до Лондона, к самому себе, надлежит проникнуться мыслью, что он сам — королевский двор, а если Англии или Египту есть что сказать, он попробует их услышать, — если же нет, пусть они замолчат навсегда. Он должен обрести и поддерживать в себе тот возвышенный взгляд, пред которым факты раскрывают свой тайный смысл, а поэзия и исторические хроники становятся похожими до неразличения. Побуждения разума и цели Природы выдают себя в нашем использовании ключевых повествований об исторических фактах. Время рассеивает прочные факты до блесков эфира. Ни якорь, ни трос, ни изгородь не помогут сохранить факт в его первоначальном виде. Вавилон, Троя, Тир, Палестина, даже ранний

Рим — все они очутились уже в пространстве воображения и вымысла. Эдемский сад, солнце, неподвижно застывшее над Гаваоном¹, — это поэзия для всех народов. Кого заботит отдельный факт, если мы успели составить целое их созвездие, вывесив в небесах бессмертный знак? Лондон, Париж и Нью-Йорк — их ожидает та же участь. «История?! — восклицал Наполеон. — Это же предание, в которое согласились верить». Наша жизнь вращается вокруг Египта, Греции, Галлии, Англии, войн, колонизации, церкви, двора и торговли, словно это обилие цветов и причудливых узоров, мрачных и веселых. Не стану снова все это описывать. Я верую в Вечность. Я могу всюду найти Грецию, Азию, Италию, Испанию и Британские острова; они как гении и творческие принципы характерны, на мой взгляд, для всех эпох.

Мы всегда помещаем основные исторические факты в наш личный опыт и там их проверяем. Вся история становится субъективной; иными словами, истории, по сути, не существует, есть только биографии. Каждый отдельный разум должен усвоить этот урок, должен изучить картину в целом. То, чего он не видит и чего не проживает, ему не дано постигнуть. Прежние эпохи отлили свои достижения в формулы и правила для удобства восприятия, но разум теряет возможность проверки, упираясь в стену этих правил. Однажды он потребует возмещения этой потери и отыщет ее, справившись са-

¹ Гаваон — ханаанский город, упоминаемый в Ветхом Завете и союзный Израилю; когда на город напали противники, солнце по молитве израильского вождя Иисуса Навина остановило свой ход по небу (Нав. 10:10–13).

мостоятельно. Фергюсон¹ затронул многие вопросы астрономии, известные издавна, но это обеспечило ему известность.

История должна быть именно такой — или вообще исчезнуть. Любой закон, принимаемый в государстве, указывает на факт человеческой природы, только и всего. Мы должны рассмотреть в себе необходимое обоснование каждого факта, понять, каким оно могло и должно быть. Поэтому оцените все публичные и частные свершения: речи Берка, победы Наполеона, мученическую кончину сэра Томаса Мора, Сидни и Мармадьюка Робинсона, французский Террор и салемскую расправу над ведьмами², возрождение фанатизма и животный магнетизм³ в Париже или в Провиденсе. Мы предполагаем, что нас должно одинаково затрагивать сходное влияние и мы обречены стремиться к сходному; рассудок подталкивает подняться по тем же

¹ Джеймс Фергюсон (1710–1776) — шотландский астроном и механик.

² Лорд-канцлер Англии, автор знаменитой «Утопии» Томас Мор (1478–1535) был обезглавлен за отказ подчиниться королю из-за своих религиозных убеждений. Поэт-аристократ Филипп Сидни (1554–1586) умер в военном походе от заражения крови. Мармадьюк Робинсон — автор смешивает в одном образе двух реальных людей: Мармадьюка Стивенсона и Уильяма Робинсона, квакеров, приговоренных к казни в колонии Массачусетс и повешенных в 1600 г. Террор — период массовых казней в ходе французской революции (июнь 1793 — июль 1794). Салемская расправа — судилища над ведьмами (1692–1693), когда по доносам в тюрьме побывали более 150 человек, и 19 из них казнили.

³ Тж. месмеризм, чрезвычайно популярное в свое время учение немецкого врача и астролога Франца Месмера (1734–1815) о том, что некоторые люди обладают «магическим магнетизмом» и способны излучать телепатическую энергию.

ступеням до высот (или низвергнуться в те же глубины), каких достиг наш приятель или кто-либо еще.

Все исследования древности, все проявления любопытства в отношении пирамид, раскопанных городов, Стоунхенджа, кругов Огайо, Мексики или Мемфиса¹ суть выражения намерения покончить с дикими и нелепыми Там и Тогда и заменить их на Здесь и Сейчас. Бельцони² копает и измеряет ямы с мумиями и пирамиды в Фивах; он будет это делать, пока не осознает различия между этим чудовищным приложением усилий и самим собой. Когда он удостоверится, в целом и в подробностях, что ямы выкопали такие же люди, вооруженные и точно так же и тем же воодушевленные, желавшие того же, о чем грезит он сам, — тогда проблема разрешится; его мысль движется вдоль сплошной линии храмов, сфинксов и катакомб, наполняет его удовлетворением, и они снова оживают в уме — то есть сейчас.

Готический собор подтверждает, что был возведен нами — но не нами. Конечно, он построен человеком, но не нашим современником. Однако обратимся к истории его строительства. Мы ставим себя на место и в положение строителя. Мы вспоминаем лесных жителей, первые храмы, общую

¹ Имеются в виду круговые деревянные изгороди и капища, известные на Британских островах с неолита, а в Америке датируемые, по разысканиям археологов, минимум 200 г. до н.э.; в Огайо были найдены, в частности, так называемые «хоупеллские курганы» с остатками таких изгородей.

² Джованни Бельцони (1778–1823) — итальянский археолог-любитель, путешественник и авантюрист, одним из первых приступил к археологическим раскопкам в Египте.

радость, украшение храма по мере увеличения богатства народа; ценность, которую придала дереву резьба, обернувшись обилием резных работ по всей громаде каменного собора. Когда мы осознаем этот процесс и добавим к нему католическую церковь, ее кресты, музыку, процессии, праздники святых и почитание образов, то ощутим себя тем человеком, который строил собор; мы увидели, каким храм мог и должен был быть. У нас появилась веховая причина.

Различие между людьми заключается в принципах построения связей. Некоторые распределяют предметы по цвету, размеру и прочим случайным признакам внешнего вида; другие судят по внутреннему сходству или причинам и следствиям. Развитие рассудка состоит в том, чтобы обрести более ясное видение причин, пренебрегая поверхностными различиями. Поэту, философу, святому все вокруг дружелюбно и свяшенно, все события выгодны, все дни святы, все люди божественны. Их взоры прикованы к жизни и не замечают мимолетных обстоятельств. Всякое химическое вещество, всякое растение и животное в ходе своего развития раскрывают единство причин при разнообразии облика.

Рожденные и окруженные этой всесозидающей Природой, мягкой и текучей, словно облако или воздух, почему мы должны быть суровыми педантами и преувеличивать значимость отдельных форм? Почему мы должны принимать во внимание время, размах или фигуру? Душа их не знает, а гений, подчиняясь ее законам, умеет с ними играть, как малый ребенок играет с седобородыми стариками или балуется в церкви. Гений изучает причинную

мысль и прозревает глубоко в утробе сущего лучи, расходящиеся от некоего шара; они, прежде чем рассеяться, разделяются по бесконечному диаметру. Гений наблюдает за монадой сквозь все ее маски, когда совершается метемпсихоз (переселение душ. — *Ред.*) Природы. В мухе, гусенице, личинке и яйце гений опознает неизменную особь; в бесчисленном множестве особей замечает неизменный вид; в обилии видов выделяет род; в совокупности родов находит устойчивый тип; в царствах организованной жизни он зрит вечное единство. Природа — изменчивое облако, всегда одинаковое и одновременно всегда иное. Она воплощает одну и ту же мысль в избытке форм, как поэт сочиняет два десятка басен с одной моралью. Через грубость и неподатливость материи утонченный дух подчиняет все собственной воле. Адамант-алмаз перетекает в податливую, но четкую форму, и на моих глазах его очертания и плотность опять изменяются. Нет ничего мимолетнее формы, но все же она никогда полностью не отрицает себя. В человеке мы обнаруживаем следы или намеки на следы признаков раболепия, свойственных низшим расам¹, но они лишь подчеркивают его благородство и изящество; Ио, преображенная, по Эсхилу, в корову, оскорбляет воображение, но все меняется, когда, уже под именем Исида в Египте, она встречает Осириса-Юпитера, прекрасная женщина, от метаморфозы которой не осталось ничего, кроме лунных рогов в качестве великолепного украшения чела!

¹ Подобно многим людям своего времени, автор был «естественным расистом» и верил в неоспоримое превосходство белой расы над всеми остальными.

Тождество истории неотъемлемо, а разнообразие столь же очевидно. На поверхности зримо бесконечное многообразие вещей, тогда как под нею скрывается простая причина. Сколько человеческих деяний отражает один и тот же характер? Давайте оценим источники сведений о греческом гении. Мы располагаем гражданской историей в изложении таких людей, как Геродот, Фукидид, Ксенофонт и Плутарх; этого вполне достаточно, чтобы понять, какими людьми были греки и чем они занимались. У нас с ними общий склад ума, что подтверждается их литературой, эпосом и лирическими стихотворениями, драмой и философией; здесь не о чем спорить. Также мы находим сходство в архитектуре, сдержанная красота которой ограничена прямой линией и квадратом, — подлинная идеальная геометрия. Вспомним еще греческую скульптуру, «язык равновесного выражения», обилие форм при полной свободе действия, но без малейшего нарушения идеальной безмятежности; словно некие верующие исполняют ритуальный танец перед богами и, даже содрогаясь от боли или вступая в смертельную схватку, не смеют нарушить ход и последовательность танца. Итак, о гении одного замечательного народа у нас имеется сразу четыре представления, а для чувств может ли что на свете различаться сильнее, чем оды Пиндара, мраморный кентавр, перистиль Парфенона и последние действия Фокиона¹?

¹ Афинский военачальник Фокион (IV в. до н.э.) на склоне лет — по преданию, ему было уже больше 80 — не захотел или не смог воспрепятствовать высадке в порту македонского десанта; за это афиняне обвинили его в измене и казнили.

Каждый наверняка лицезрел черты и формы, которые, без каких-либо сходных признаков, внушают зрителю близкое впечатление. Та или иная картина, тот или иной стих, даже не пробуждая той же череды образов, вызывает ощущение, подобное долгой прогулке в горах; пусть сходство не столь очевидно для чувств, но оно несомненно, хотя и недоступно пониманию. Природа — бесконечное сочетание и воспроизведение крайне малого числа законов. Она напевает старую, хорошо известную песенку, но на разные лады.

Природа полна тонкого семейного сходства, которое пронизывает все ее творчество, и наслаждается тем, что поражает нас самыми неожиданными подобиями. Я видел старого лесного сахема (вождя. — *Ред.*), голова которого напоминала лысую вершину горы, а морщины на лбу наводили на мысль о слоях горных пород. Манерам некоторых людей присуще неотъемлемое величие, отличающее простые и жуткие скульптуры на фризях Парфенона и остатки древнейшего греческого искусства. А отдельные похожие сочетания встречаются в книгах всех веков и эпох. Что такое «Аврора» Гвидо Роспильози¹, как не утренняя мысль, а ее лошади — лишь утреннее облако... Если кто-либо даст себе труд понаблюдать за разнообразием действий, к которым он одинаково склонен при том или ином настроении, и за теми, к кото-

¹ Автор вновь объединяет в одном образе две фигуры: Гвидо Роспильози — папа римский Климент IX (1600—1669), в юные годы которого знаменитый живописец Гвидо Рени (1575—1642) украсил потолок садового дома при дворце Роспильози в Риме фреской «Аврора».